

Трансцендентальный идеализм в условиях постсовременности: к проблеме актуальности кантианской философии

В докладе рассматривается трансцендентально-этическая концепция немецкого мыслителя И. Канта и проблема ее понимания современным человеком. Актуальность статьи определяется тем, философия Канта обладает загадочной парадоксальностью. С одной стороны, в рамках программных вузовских курсов по философии она зачастую оказывается не вполне понятна современному молодому поколению, что происходит не только из-за обилия специальных терминов, используемых философом, но и из-за неспособности выразить кантианскую философию («языком современности»). Но с другой стороны, как свидетельствуют современные медийные ресурсы, неподдельный и устойчивый интерес к идеям великого философа продолжает сохраняться на протяжении многих веков на самых разных уровнях культурного пространства и в самых различных формах социальных практик. Исходя из установки прояснения этой парадоксальности, в статье ставится цель выстроить аргументацию взаимосвязи кантианских идей с современностью. Задачами статьи, таким образом, являются последовательное изложение ключевых идей и установок кантианского трансцендентализма, таких как «вещь-в-себе» и «вещь-для-нас» (ноумен и феномен), понятие «гносеологического дуализма», кантианский агностицизм, понимание сущности «априорных структур», а также понятие категорического императива. В докладе выстраивается обоснование обозначенных идей и установок философа в формате их «осовремененного» прочтения, с привлечением иллюстративного материала, характеризующего резонанс кантианской философии в современном культурном пространстве. На основе осуществленного анализа делается ряд последовательных выводов о некоем образующемся новом когитальном поле кантианских идей и установок в «системе координат» современных реалий. В заключении на основе осуществленного развернутого обоснования в докладе делается вывод о том, что в пространстве (пост-)современности, ключевыми характеристиками которой являются «смерть Бога», «смерть Автора» и «смерть субъекта», когда человек вынужден искать способы и возможности обретения/восстановления глубинных экзистенциальных оснований, философия И. Канта не может утратить своей актуальности.

Ключевые слова: этика, феномен, ноумен, категорический императив, трансцендентальный субъект, смерть субъекта, телоцентризм

Гредновская Елена Васильевна,
Россия, Южно-Уральский государственный университет, заведующая кафедрой философии,
E-mail: nebytiya_net@mail.ru

Дыдров Артур Александрович,
Россия, Южно-Уральский государственный университет, доцент,
E-mail: zenonstolik@mail.ru

UDC 141.13 + 101.2

Grednovskaya E.V., Dydrov A.A.

Transcendental idealism in terms of postmodernity: the issue of the relevance of Kantian philosophy

This report is about the transcendental ethical concept by the German philosopher Immanuel Kant and the problem of its understanding in modernity. Relevance of the manuscript – Kant's philosophy has mysterious paradox. On the one side, in the program of philosophical courses in university, Kant's philosophy is often not well understood by today's young generation, which is not only due to the abundance of technical terms, which were the philosopher used, but also because of the inability to express the Kant's philosophy in "the language of our time". But on the other side, as evidenced by the modern media resources, genuine and sustained interest in the ideas of the great philosopher continues to persist for many centuries at various levels and cultural space in various forms of social practices. Based on the installation clarify this paradoxical, the aim of the manuscript is to build a relation between the ideas of I. Kant and modernity. The objectives of the article, thus, are consistent presentation of key ideas and attitudes to Kant's transcendentalism, such as the "thing-in-itself" and "thing-for-us" (noumenon and phenomenon), the concept of "epistemological dualism", Kant's agnosticism, understanding of the essence "a priori structures", as well as the concept of the categorical imperative. The manuscript builds study, which identifies the ideas and attitudes of the philosopher in the format of "modernized" reading, the assistance of illustrations, which characterize the response of the Kant's philosophy in the contemporary cultural space. The basis of this analysis carried out a number of inferences, which were made about a certain field of the formed new appropriate Kant's ideas and attitudes in the "frame of reference" of contemporary realities. In conclusion, this report, based on the implementation of full-scale study, concludes that in the (post-)modernity, the key features of today are the "death of God", "death of the author" and the "death of the subject", when a person is forced to look for ways and means of gaining / recovery of deep existential reason. In this context the philosophy of I. Kant can not lose its relevance.

Keywords: ethics, phenomenon, noumenon, the categorical imperative, the transcendental subject, the subject of death, physicality in the center

Grednovskaya Elena Vasilievna,
Russia, South Ural state university,
managing faculty of philosophy, E
-mail: nebytiya_net@mail.ru

Dydrov Arthur Alexandrovich,
Russia, South Ural state university,
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Философия И. Канта является образцом строгости и наукообразности мысли Просвещения. «Трансцендентальный идеализм» – именно так маркируется кантианская философия – понятен далеко не всякому человеку, знакомящемуся с трудами кенигсбергского философа, а тем более современному человеку, знающему о философии И. Канта из преподавательских лекций. И. Кант ввел в оборот понятия трансцендентального субъекта, гипотетического и категорического императивов, антиномий чистого разума, априорного и апостериорного знания и многие другие, малопонятные современному клиенту образовательного учреждения. Однако Кант как знаковая фигура философии XVIII-XIX столетий не забыт до сих пор.

Многие помнят, вышедший в начале 80-х в советской России культовый шедевр «Москва слезам не верит», где герой некогда известный, но спившийся хоккеист, предстает перед зрителем в питейном заведении, пропитанном запахом «Жигулевского» пива, дымом дешевого табака, гулом пьяных голосов. И в этом контексте вязкой фактуры звучит полупьяный голос: «Категорический императив Канта гласит: "поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать законом всеобщего законодательства"». В данной ситуации – очевидная ирония авторов фильмов над «философическим» безграничным ресурсом опьяненного сознания. Но это верно лишь отчасти, ведь в этом контексте

не звучат имена и цитаты Аристотеля, Макиавелли, Ницше.

В продолжение темы кинематографа, раздвигающей географические границы влияния Канта на современность, следует привести еще один пример – французскую ленту «Последние дни Иммануила Канта» (реж. Ф. Коллин, 1994). Фильм снят в черно-белом формате и квазидокументалистской манере. В данный контекст органично вписывается высказывание М.К. Мамардашвили: «Если жив Кант, если мысленно я держу Канта живым, то жив и я...» [7]. Главный герой фильма ведет обычную жизнь. В мире своей повседневности он пьет кофе, общается с друзьями, идет по тропе со своей всем известной пунктуальностью кенигсбергского мыслителя. И в завершении он уходит («навсегда»), совпадая лишь на короткое время с собственным памятником, совершив переход из мира феноменов в ноуменальное измерение. Почему же опять Кант, а, например, не Декарт, не Беркли и не Руссо?

Двухтысячные годы также не остались в стороне от «кантовской загадки». В сентябре 2013 года в интернете появилась новость, оставшаяся не прокомментированной официальными лицами: в Ростове-на-Дону двое молодых людей устроили в баре перестрелку из травматического оружия, где причиной размолвки приятелей оказалось, по их признанию, расхождение в понимании идей Канта...

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Исходя из многолетнего опыта преподавания курса философии, в рамках которого обсуждение идей Иммануила Канта является соответствующим программой министерства образования РФ, можно выразить некоторые предположения, проливающие свет на причину популярности немецкого мыслителя.

Онтология Канта тесно связана с гносеологической проблематикой. Бытие «разворачивается» по направлению к мыслящему и познающему разуму, к трансцендентальному субъекту, двумя планами – как «вещь-в-себе» и как «вещь-для-нас», как ноумен и как феномен. По выражению Т. Маккенны, учение И. Канта призвано было решить «феноменально-ноуменальную» проблематику [10, с. 183]. Это традиционно именуют «гносеологическим дуализмом» (А. В. Гулыга [3], Л. А. Калинин [4], К. Н. Любутин [6] и др.). М. Фридман маркировал философию И. Канта как «проект трансцендентальной философии» [11, с. 72].

При первом знакомстве с курсом философии терминология, разумеется, вызывает определенные трудности у студентов нефилософских специальностей. Понятие «гносеологического дуализма» могло бы быть совершенно неясным, если бы не аргументация самого Канта, отпечатывающаяся в сознании современного студента.

«Вещь-в-себе» (или: «вещь-сама-по-себе», ноумен), – это то, утверждал философ, к чему ты еще не прикоснулся чувствами, ощущениями, что нахо-

дится за пределами нашего чувственного и осознаваемого восприятия (апперцепции). «Вещь-для-нас» – уже то, что предстало в нашем мышлении (в виде образа, представления, понятия). Но обе эти «вещи» двигаясь к познающему субъекту казалось бы из одного источника, тем не менее есть расходящиеся лучи «гносеологического дуализма», в оптический обман которого и попадает всякий, добровольно, или принудительно начинающий познавать и окружающий мир, и себя самого.

Приведем еще один пример, использование которого может принципиально изменить ситуацию непонимания, кризиса коммуникации. Современным студентам, как и многим жителям XXI в., знаком бесценный опыт первого виртуального «знакомства с собой»: достаточно включить видео или аудиозапись, где субъект видит или слышит «другого себя» – чуждого и чужого. То, что оказалось схваченным объективом – это и есть «вещь-для нас», это то, что явилось, предстало, сконструировалось. Но в тайниках непознаваемой сущности, остается неприкосновенной человеческая подлинность, непостижимость «вещи-в-себе». Кантианский агностицизм – одна из установок, с которой приходится мириться. Современному человеку больше не нужны специальные комментарии, он это знает на своем опыте. Субъект хочет познавать мир, хочет познавать себя, но обязательно попадает в ловушку «двойного стандарта», в котором ему до-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ступен лишь отблеск «вещи-в-себе», в то время как «вещь-для-нас», явление, поверхность – то, чем человеку приходится довольствоваться.

Согласно постструктуралистскому дискурсу, мир можно уподобить «пестрому лоскутному одеялу», а человека («умершего» субъекта, по выражению М. Фуко) своего рода бриколажу. Человек, по выражению В.Ю. Сухачева, «заперт» в зеркала [8, с. 21] Органы чувств «собирают» этот мир и вещи этого мира по кусочкам, по фрагментам в гигантскую мозаику, размещенную в нашем сознании. И уже никто сейчас не сомневается, что и наши органы чувств также «собирают» мир и вещи, стягивая их по кусочкам в виртуальное пространство нашего мышления: глаза «поставляют» цвет и форму, слух – звуки и т.д. И если субъект попытается отобразить в сознании «вещь-в-себе», пребывающую за пределами юрисдикции разума, то он сможет это сделать, лишь «разобрав» ее на части. Вещь ускользает и не дается сразу целиком. Однако вещь, согласно Канту, собирается в сознании, при активном участии и посредством априорных структур.

И понимание сущности «априорных структур» современному студенту было бы не доступно, если бы не уже состоявшееся овнешнение пространства виртуальной реальности человеческого сознания, если бы не «манифестация мысли», визуализировавшаяся в «новой парадигме чувствительности», по выражению Ж. Бод-

рийяра, «человека виртуального» [1, с. 76], в инструментально-аппаратных средствах, гиперреальных изображениях. Ведь все это теперь очевидно свидетельствует об одном: мир может быть сконструирован, смоделирован, виртуализирован, воспроизведен в своей симулятивности «третьего порядка» [2, с. 9–10], где априорные структуры, точно пауки, неутомимо и непрестанно ткут полотно «реальности» вещей, представляющих «исключительно для нас». Но при этом согласно Канту, нет никакой гарантии, что априорные структуры наверняка позволяют человеку новую «целостность вещи», «собранную» в мышлении в точном соответствии с действительностью. Нет инструкции по сборке. Нет списка комплектующих. Нет описания комплектации. Нет гарантии доставки.

В таком случае, если критериев «подлинной сборки» вещи не существует, если нет никакого плана и инструкции, а воссоздающаяся в нашем мышлении вещь лишь «одна из», то не является ли это условием свободы конструирования множества реальностей? По крайней мере, на это указывает постмодернистская парадигма. Но, кроме того, ведь и сам Кант полагал, что не нужно искать того, что эмпирически принципиально не подтверждаемо. Не вполне ли достаточно для нас в таком случае только лишь идеи целостности вещи, как, например, идеи Бога, для того, чтобы понять мир и себя, без необходимости подтверждать его существование?

Этика Канта фундирована мыслью о том, что человеку еще только нужно стать человеком, что без некоторых специальных усилий в этом направлении животная природа человека не сможет быть преодолена. Но помимо априорных структур в глубинах разума человека есть еще одна неутомимость и непрерывность – категорический императив. И согласно Канту, принципиально важно преодоление животного начала в человеке, важна даже попытка преодоления. Ярым противником категорического императива Канта был мыслитель-иррационалист Ф. Ницше. «Разве не чувствуется категорический императив Канта, как опасный для жизни!» – писал Ницше в «Антихристе» [8]. И еще: «Что действует разрушительнее того, если заставить человека работать, думать, чувствовать без внутренней необходимости, без глубокого личного выбора, без удовольствия? Как автомат "долга"? Это как раз рецепт *decadence*, даже идиотизма... Кант сделался идиотом...» [8]. Грубость Ницше, выраженная оскорблением, очевидно, сразу приковывает к себе внимание. Однако автор «Антихриста» «заковал» кантовское понятие о долге в кавычки, указывая, по крайней мере, на бессосновность этого понятия. Ното *moralis* в ницшеанском дискурсе уподобляется механизму, машине, скованной алгоритмом, а человек здесь – тюремщик, лишивший свободы самого себя.

Идея о преодолении животного начала в человеке, возможно, оказалась бы еще дальше от ценностного мира современной молодежи, чем это могло бы показаться на первый взгляд, если бы не вездесущий «телоцентризм» эпохи постмодерна. С одной стороны, культура сама «позволяет» человеку репрезентировать себя, прежде всего, через тело, заманивая возможностью свободы и освобождения именно через обретение власти над ним, игрой с ним. С другой стороны, уже очевиден и на деле понятен экзистенциальный тупик, порожденный этим приглашением, ибо в телесно-природном обрести свободу невозможно, «свобода» – категория внеприродная, а стало быть, и внетелесная.

В работе «Метафизика нравов» И. Кант писал об этике долга, «которая одновременно есть цель» [5, с. 122–123], что, собственно говоря, и дает определяет возможность, этический ресурс и личностную автономию для преобразования своей «животной природы» в природу человеческую. В общее поле аргументации Кант включает тему самоубийства. Несмотря на определенную терминологическую, а в некоторых аспектах и содержательную, архаичность разворачиваемого обоснования (например, в отношении, так называемого «частичного самоубийства» и т.п.), логика запрета на «лишение себя жизни» неожиданным образом оказывается удивительно свежей, животрепещуще-современной и безоговорочно ясной.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Кант говорит: недопустимо «накладывать на себя руки» из эгоистических побуждений, где под эгоизмом он, понятное дело, понимает, игнорирование «интересов всего человечества» в своем поступке, в «максиме своей воли», ведь это не может стать всеобщим законодательством! Ведь это не может быть примером для всего человечества!

И, кроме того, если недопустимо относиться «к человеку как к средству», но можно и нужно относиться к нему «только как к цели», а человек, убивающий себя, тем самым желает прекратить свои страдания, следовательно в этом акте он относится к «человеческому существу в своем лице» как средству – средству устранения имеющихся страданий. А цель, зарезервированная в нем ресурсом всего Человечества, которая одновременно еще и есть долг, «твой собственный долг перед самим собой», оказывается нереализованной. «Стремление к самосовершенствованию и счастье другого», – вот что находится по ту сторону отношения к человеку как средству, как к вещи, как к чему-то, чем субъект якобы имеет право распоряжаться [5, с. 318–319].

Парадоксально, но именно потребительское отношение к реальности, и делает, на наш взгляд, понятной современному человеку эту непростую кантовскую мысль. Именно готовность выгодно продать свое тело, образ, интеллект на современном рынке труда и в состязании амбиций, делают абсолютно про-

зрачной кантовскую идею об «отношении к себе как средству». Но если современный человек проглотит ее, то он проглотит и кантовскую пилюлю внутри: не относись к себе так! Ты не имеешь права, ведь в тебе – все человечество.

В завершении следует обратить внимание и на самое современное положение дел. В Интернете в 2015 году вновь появились фотографии и сообщения, связанные с именем Канта. Так, очередное медийное сообщение гласит: «В Калининградской области, на стене дома, где Кант проживал, работая домашним учителем, появилась оскорбительная надпись "Кант – лох"». Ну и далее – серия публикаций, широкий резонанс возмущений, поисков вандалов, раскаянье найденной виновницы... Однако в этой истории любопытно то, что широко озвученный «вандализм» в отношении великого философа по сути своей оказался не оскорблением, а бессознательным объяснением в любви (возможно, самой абстрактной и самой что ни на есть общечеловеческой), ну или, как минимум, выражением сострадания, ибо разговорно-сниженное понятие «лох», обозначает всего лишь «наивный, доверчивый человек», а надпись на стене дома сопровождается сердечком с цветком, что на языке граффити вообще является знаками любви и толерантности.

В философских кругах, как уже было отмечено ранее, хорошо известно об отрицательном отношении Ф. Ницше к

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

сформулированному Кантом нравственному закону. Философ-иррационалист протестовал против сковывания человечества узами морали, уравнивающей людей в правах и возможностях. Однако, судя по всему, именно в XXI в., в эпоху «смерти Бога», «смерти Автора» и «смерти субъекта», в эпоху

«отмены» всех оснований и крушения логоцентризма, когда человек постсовременности мучительно ищет способы и возможности реставрировать свой фундамент, восстановить основания и структуры, философия И. Канта не утратит своей актуальности.

Библиографический список

1. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
3. Гулыга, А.В. Немецкая классическая философия / А.В. Гулыга. – М.: Рольф, 2001. – 416 с.
4. Калинин, Л.А. На краю романтизма или за его пределами? Э.Т.А. Гофман и природа искусства в эстетике Канта // Кантовский сборник. 2011. – № 2. – С. 38–51.
5. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения в 6 тт. Т.4 / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. – С. 107–438.
6. Любутин, К.Н. Философия Канта: проблема трансцендентального субъекта / URL.: <http://kant-online.ru/>.
7. Мамардашвили М.К. Идея преемственности и философская традиция / URL.: <http://www.mamardashvili.com/archive/interviews/continuity.html>.
8. Ницше, Ф. Антихрист. Проклятие христианству / URL.: <http://nietzsche.ru/works/main-works/antihrist/>.
9. Сухачев, В.Ю. Страсти по Декарту: между метафизикой cogito и телесной практикой // Вестник Псковского вольного университета. – Т.2. – №4. – С.18-29.
10. McKenna, T. Kantianism and the judgement of beauty in light of the problem of true totality and its basis in the forms and structures of social existence // Critique. – 2014. – №42(2). – pp. 183–195.
11. Friedman, M. Philosophy of natural science in idealism and neo-Kantianism // The Impact of Idealism: The Legacy of Post-Kantian German Thought. – 2011. – pp. 72–104.

References

1. Bodrijjar Zh. Prozrachnost' zla [Transparency of evil], M., Dobrosvet, 2000, 258 p.
2. Bodrijjar Zh. Simvolicheskij obmen i smert' [Symbolic exchange and death], M., Dobrosvet, 2000, 387 p.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

3. Gulyga, A.V. Nemeckaja klassičeskaja filosofija [Germany classic philosophy], M., Rol'f, 2001, 416 p.
4. Kalinnikov L.A. Na kraju romantizma ili za ego predelami? [At the edge of romanticism or outside?] Je.T.A. Gofman i priroda iskusstva v jestetike Kanta. Kantovskij sbornik, 2011, № 2, p. 38–51.
5. Kant I. Metafizika pravov [Metaphysics of morals] Sochinenija v 6 tt. Vol. 4, M., Mysl', 1965, p. 107–438.
6. Ljubutin K.N. Filosofija Kanta: problema transcendental'nogo subekta [Kant's philosophy: problem of the transcendental subject]. URL <http://kant-online.ru/> (accessed 15.10.2015).
7. Mamardashvili M.K. Ideja preemstvennosti i filosofskaja tradicija [The idea of continuity and philosophical tradition]. URL <http://www.mamardashvili.com/archive/interviews/continuity.html> (accessed 15.10.2015).
8. Nicshe F. Antihrist. Prokljatie hristianstvu [Antichrist. Curse of Christianity]. URL. <http://nietzsche.ru/works/main-works/antihrist/> (accessed 15.10.2015).
9. Suhachev V.Ju. Strasti po Dekartu: mezhdju metafizikoj cogito i telesnoj praktikoj [Passion according to Descartes: cogito between metaphysics and bodily practices]. Vestnik Pskovskogo vol'nogo universiteta, p. 2, № 4, 18–29 p.
10. McKenna T. Kantianism and the judgement of beauty in light of the problem of true totality and its basis in the forms and structures of social existence. Critique. 2014. № 42 (2), p. 183–195.
11. Friedman M. Philosophy of natural science in idealism and neo-Kantianism. The Impact of Idealism: The Legacy of Post-Kantian German Thought, 2011, p. 72–104.